

"В Божий дом" (Коренблит – Кобылинский)

1. Сновидение – 2.15
2. Предсуществование – 2.42
3. Над весной – 2.57
4. Далёкой – 2.07
5. Братьям-рыцарям – 2.25
6. Перед боем – 1.56
7. Надежда гибнущих – 1.24
8. Спасение – 2.07
9. Безгрешные страницы – 1.35
10. Ангел преддверия – 2.17
11. Два белых ангела – 1.46
12. Молитва о падшей – 1.55
13. Ave Maria – 1.53
14. Любовь и смерть – 2.03
15. Rosa mystica – 1.55
16. Деве Марии – 3.28
17. Псалом радостный – 2.03
18. В Божий дом – 2.20
19. Молитва – 1.27

Общее время звучания – 40.35

1. СНОВИДЕНИЕ

Здесь вечный День, прозрачный и хрустальный,
каких еще не ведает земля,
здесь обретает свет первоначальный
дух, сотканный из граней хрусталя.

Здесь никогда заря не потухает,
здесь небосвод горит без звезд, без лун,
без лепестков цветя, благоухает,
поет, гремит и говорит без струн!

И здесь не гаснут взоры сновидений,
и здесь не тают крылья у теней,
и чистые, кристальные ступени
восходят до чистейших ступеней!

И здесь ты был, и снова круг свершится,
и увидешь вновь в хрустальные поля!..
И дух мой стал, рыдая, возносится
и вспомнил все... И вдруг проснулся я!

2. ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

И все мне кажется, что здесь я был когда-то,
когда и как, увы, не знаю сам!..

Мне все знакомо здесь, и сладость аромата,
и травка у дверей, и звук, что где-то там

вздыхает горестно, и тихий луч заката, —
и все мне кажется, что здесь я был когда-то!..

И все мне кажется, что ты была моею,
когда и как, увы, не знаю сам!..
Одно движение уст, и весь я пламенею,
лишь упадет вуаль, и вдруг моим очам
случится увидеть блистающую шею...
И все мне кажется, что ты была моею!..

И все мне кажется, что это прежде было,
что времени полет вернет нам вновь и вновь
все, все, что Смерть рукой нещадною разбила,
надежду робкую, страданье и любовь,
чтоб радость день и ночь в одно сиянье слила,
и все мне кажется, что это прежде было!..

3. НАД ВЕСНОЙ

Весна зовёт. Высоко птица
звенит оттаявшим крылом,
и солнце в окна к нам стучится
своим играющим перстом.

Улыбки неба скорбь природы,
но эта скорбь светло-легка,
и сладко плачут облака
и, плача, водят хороводы.

И звёзды, теплые, как слезы,
дрожат и, падая, поют,
цветы, приникнув к стеклам, пьют
давно обещанные грозы.

Как нежен трепет полутеней,
как их задумчивость тиха,
а крик безумный петуха
звучит, как благовест весенний.

И все под ропот исступленный
пробуждено, озарено,
одеты первые балконы,
раскрыто первое окно.

Лучи склоняются дугой,
гром прогремит и затихает,
и даже снег благоухает
и камень дышит под ногой.

Лишь Ты по-прежнему спокойна,
лишь Ты, как Божие дитя,
не радуясь и не грустя,

глядишь на шум весны нестройной.

В своём готическом окне
лишь миг ее дыханьем дышишь,
чуть улыбаешься Весне,
и уж не видишь и не слышишь...

И весь я строже и печальней.
и внемлет сердце, не дыша,
как со звездой самой дальней
твоя беседует душа.

4. ДАЛЁКОЙ

Ты всех непорочней, всех в мире прелестней,
тебя славословит мой гибнущий дух;
но сказкою детства, но ангельской песней
дано ль разомкнуть заколдованный круг?

Да будет навеки меж нами преграда
прозрачней, чем лед, и прочнее, чем сталь:
ты вся — ожиданье Грядущего Града,
я весь — об утраченном Рае печаль!

Я плачу, и тише напев серафима,
и ближе кипенье и пенье огня,
и саван холодный из бледного дыма
объемлет и тихо колеблет меня!

Ты белые крылья сплела со струнами,
как стройная арфа, ты сердцу сестра,
но с белыми ты уплываешь волнами,
свой плач проливая на угли костра.

А я, перед Ангелом белым склоненный,
как прежде, безумный, безумье люблю,
и даже, молясь на тебя, опаленный,
я тихие крылья твои опалю!

5. БРАТЬЯМ-РЫЦАРЯМ

Время молитвой ответить угрозе,
смело взглянуть в пустоту.
Это — служение Розе!
Это — покорность Кресту!

Время раскрыть загремевшей стихии
рыцарски-братскую грудь,
тайно: "Мария, Мария, Мария!"
сердцу больному шепнуть!

Мимо ночные видения бреда,
мимо безумия вяжущий хмель.
Свыше была нам указана цель,

свыше дарована будет победа!

В сердце суровый обет пилигрима,
Крест на щите, на мече, на груди,
сзади пустыня, но там, впереди
стены Иерусалима!

Белую Розу из пасти Дракона
вырвем средь звона мечей!
Рыцарю дар — золотая корона
вся из лучей!

6. ПЕРЕД БОЕМ

Горестно носятся в даях просторных
ветра глухие рыдания,
странно размерены криков дозорных
чередования.

Полночь, и лагерь заснул перед боем,
лагерь, от боя усталый;
день отпевая пронзительным воем,
плачут шакалы.

Месяц недобрый меж облак бессонных
лагерь обходит дозором,
ищет он, ищет бойцов обреченных
пристальным взором.

Час их последний и ясен, и краток,
снятся им сны золотые,
благостно шествует мимо палаток
Дева Мария.

7. НАДЕЖДА ГИБНУЩИХ

Их жены падают с молитвой на колена,
одеты в шерсть и лен; под ними скал гряда,
простерши длани ввысь, они глядят туда,
где грани острова обозначает пена.

Бесстрашных моряков отвага — неизменна...
Их гавань дальняя манила в царство льда,
их дружная семья теперь стеклась сюда...
И вот, возврата нет, им не уйти из плена.

Дробясь о берега, рыдает вал морской,
он ищет, он зовет Тебя, Звезда святая!
Надежда гибнущих в пустыне роковой!..

На загорелых лбах морщины собирая,
далекий Angelus гудит над лоном вод
и замирает там, где бледен небосвод!

8. СПАСЕНИЕ

Я спасен! Подо мной воют яростно адские бездны,
призрак в маске железной меня стережет на пути...
Надо мной в небесах снова луч зажигается звездный.
Я, рыдая, молюсь, и мне радостно дольше идти!

Есть божественный миг: эта жизнь предстает перед нами
словно сон, что когда-то пленял и сжигал, и томил,
кончен путь на земле, но, эфир рассекая крылами,
мы умчимся туда, где дрожат мириады светил.

Там расторгнуты грани пространства и времени грани,
там бесменно сменяет видений череду череда,
дышит Роза, омыта рекой золотых созерцаний,
и сожженное здесь, загорается вновь навсегда!

За пределами звезд, где скользят бестелесные тени,
где безгрешные духи о тихих блаженствах поют,
перед образом дивного Данте склоняя колени,
наши бледные тени с землей примиренье найдут!

9. БЕЗГРЕШНЫЕ СТРАНИЦЫ

Но жизни шум, как режущий свисток,
как в улье гул жужжаний перекрестный,
бессмысленный, глухой, разноголосный
смывает все, уносит, как поток.

Раздроблены ступени строгих строк,
и вновь кругом воздвигнут мир несносный
громадою незыблемой и косной,
уныло-скуп, бессмысленно-жесток.

Разорваны видений вереницы,
вот закачался и распался храм;
но сердцу верится, что где-то там,

где спят веков священные гробницы,
еще плывет и тает фимиам,
и шелестят безгрешные страницы.

10. АНГЕЛ ПРЕДДВЕРИЯ

Я черных душ вожатый бледный,
я пастырь душ, лишенных крыл,
я, призрак смутный и бесследный,
лишь двери Рая им раскрыл.

Здесь душ блаженных вереница
течет, как звезды, предо мной,
и падших душ, укрывших лица,
стена, влечется хмурый строй.

Моя стезя одна и та же

от дня творенья до Суда,
за веком век, за стражей стража,
но я бессменен навсегда.

Я — путь к блаженствам, но неведом
моим очам Господен Град,
и душ стада за мною следом
нисходят в мой незримый Ад.

Я никогда не поднимаю
всегда спокойного чела,
и с мглой Преддверия сливаю
два серые мои крыла.

Я тенью гор столетья мерю,
как тенью солнечных часов,
не вопрошая, внемлю зов,
все зная, ничему не верю!

Мне высь полета незнакома;
мне посох дан взамен меча,
я им стучу у двери дома,
и гаснет робкая свеча.

11. ДВА БЕЛЫХ АНГЕЛА

Под строгим куполом, обнявшись, облака
легли задумчивой, готической аркой,
как красный взгляд лампад, застенчиво-неяркий
дрожит вечерний луч, лиясь издалека.

Тогда в священные вступаю я века;
как мрамор строгих плит, кропя слезою жаркой
страницы белые, я плачу над Петраркой,
и в целом мире мне лишь ты одна близка!

Как гордо высятся божественные строки,
где буква каждая безгрешна и стройна.
Прносятся в душе блаженно-одинокой

два белых Ангела: Любовь и Тишина;
и милый образ твой, и близкий и далекий
мне улыбается с узорного окна.

12. МОЛИТВА О ПАДШЕЙ

Я перед Девой склоняю колени:
"Все ей, безумной, прости!"
Хмурятся строго вечерние тени:
"Бесцельны пред ней все пути!"

Я перед Девой склоняю колени:
"Все ей, погибшей, прости!"
Шепчут зловеще вечерние тени:

"За нас, за нас отомсти!"

Я перед Матерью пал на колени:

"Матери Матерь, прости!"

Плача, поникли полночные тени:

"Все отпусти!"

13. AVE MARIA

Буря затихла... Снова колонны
в бездне дрожат золотые,
снова к нам взоры твои благосклонны,
Ave Maria!

Чуть отражается в глади зеленой
звездная, млечная пена,
снова поник я душой умиленной.
Gratia plena!

Вечная Роза, гори, не сгорая,
в звездной, немеркнувшей Славе,
Свет и врата недоступного рая!
Ave, Ave!

Огненной стигмы кровавого знака
жаждет так сердце больное...
Вдруг все затихнет, и снова из мрака
смотрит лицо восковое!

14. ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Как цепкий плющ церковную ограду,
моя душа, обвив мечту свою,
не отдает ее небытию,
хоть рвется тщетно превозмочь преграду.

Нельзя продлить небесную отраду,
прильнуть насильно к райскому ручью...
мятежный дух я смерти предаю,
вторгаясь в Рай, я стану ближе к Аду!

Вот из-под ног уходит мрамор плит,
и за колонной рушится колонна,
и свод разъят... Лишь образ Твой, Мадонна,

немеркнущим сиянием залит,
лишь перед Ним сквозь мрак и клубы дыма
Любовь и Смерть горят неугасимо!

15. ROSA MYSTICA

Я угасил свой взор, печальную свечу,
я пролил чашу слез и чашу опрокинул
и вновь молитвенно ее, подняв, придвинул
к Твоим живым струям и к твоему лучу.

Подобен сладостно-разящему мечу,
твой луч рассек мне грудь, как перст ее раздвинул,
от просфоры живой потом частицу вынул,
и все вокруг горит, и я: горя, свечу.

Туда, где голуби ласкают купол строгий,
где камень оградил небесные чертоги,
душа возносится, обняв святой напев:

"Ave Maria!"... Пусть из нежно-голубого
в луч фиолетовый Ты превратишься снова,
о, Rosa mystica, Святая Дева дев!..

16. ДЕВЕ МАРИИ

Вновь движется и меркнет, и сверкает
Твой кроткий лик, Святая Роза роз,
опять в душе, струясь, не иссякает
дар благодатный тихих, теплых слез.

Как сладостно мой разум преклоненный
в рыданиях органа изнемог,
и как легко, полетом окрыленный,
я, нищ и наг, переступил порог.

Расширен взор и строгий, и прилежный,
и в цепь одну сомкнулась с дланью длань,
в Твоем саду, в Раю Марии нежной
я — над ручьем играющая лань.

Приди, мой Ангел, стань у двери храма,
там, где ее преклонена глава,
укрой свой лик в покровы фимиама
и мне шепни забытые слова.

Как чистый воск, весь мир плывет и тает,
вокруг ни очертаний, ни границ.
Се на крылах недвижных низлетает
чистейшая из чистых голубиц.

Как в Матери, душа черты родные
вдруг узнает, Тобой опалена,
и что тому земные имена,
кто дышит сладким именем "Мария!"

17. ПСАЛОМ РАДОСТНЫЙ

Тому, кто не простил Творца,
навек потоки слез!
Но радость, радость без конца.
к кому пришел Христос!

И смерть тому, кто терн венца

не взлюбит больше роз!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

Блажен, кто слышал звон кольца
и сердце в дар принес!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

Блажен, кому в дому Отца
быть гостем довелось!
Но радость, радость без конца,
к кому пришел Христос!

18. В БОЖИЙ ДОМ

И ты, ослепшая от слез,
упала на пути,
и подошел к тебе Христос
и молвил: "Все прости!".

И кротко улыбнулся Он,
и улыбнулась ты,
и тихий свет, и тихий сон
облек твои черты.

Душа, как келья, убрана,
светла, проста, чиста
и вся навек озарена
улыбкою Христа.

Там за окном звенит пчела.
качается сирень,
там за окном и свет и мгла,
а в келье вечный День...

И я бродил по всем путям,
и я ослеп от слез,
но не предстал моим очам
с улыбкою Христос.

И был мой горький путь — позор,
безумие и страсть.
И вот теперь пришел, как вор,
к твоим ногам упасть.

И вот иду на голос Дня
в твой дом, как в Божий дом...
"О, Боже, помяни меня
во Царствии Твоем!"

19. МОЛИТВА

Прободено светило дня

невидимым копьем...
"О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!.."

Высокий факел преклоня,
звезда поет псалом...
"О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!.."

Се — три креста, и вздох, стена,
пронесся на одном:
"О Боже! помяни меня
во Царствии Твоем!.."

И, жизнь погибшую кляня.
я пал перед Крестом:
"О Боже! помяни меня
во Царствии Твоём!.."